

Оглавление

- Беляев О.И. Относительное предложение в осетинском языке: синтаксис и семантика
- Грибиненко М. В. Сочетаемость метафорических моделей в современном общественно-политическом дискурсе: типы связей и функции
- Куликова М. Г. Модель целостного анализа устного дискурса при диагностике психоэмоционального состояния говорящего
- Муравьев Н. А. Семантическая характеристика и особенности употребления деепричастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка
- Руднев П. В. Эмпатия, логофоричность и семантика дистантной рефлексивизации
- Юрченко А. Н. Восприятие наречий отрицательной и положительной полярности

ты кто PV-опоздавший COP.PRS.2SG POSS.2SG=урок=PTCL
 нæ=с-ахуыр код-т-ай
 NEG=PV-учение делать-TR-PST.2SG

‘Ты, который опоздал, еще и урок не выучил’

2. Рестриктивность и квантификация. Коррелятивная конструкция используется с рестриктивными придаточными, а конструкция с внешней вершиной, – с нерестриктивными, ср. (1) и (3). Однако при употреблении конструкции с внешней вершиной с дистрибутивным квантором алы ‘каждый’ (4а) или с универсальным квантором æппæт ‘весь, все’ в его «плавающей» форме (квантор æппæт является плавающим, т. е. отрывается от ИГ, когда имеет посессивный показатель, а иначе является прилагательным) (4б) возникает рестриктивная интерпретация; при этом если квантор æппæт употребляется в позиции прилагательного, то ожидаемая нерестриктивная интерпретация сохраняется (4в).

(4) а. Алы адаймаг=дæр, скьола-йы чи ахуыр код-т-а,
 каждый человек=PTCL школа-INESS кто учение делать-TR-PST.3SG
 зон-ы кæс-ын æмæ фысс-ын
 знать-PRS.3SG читать-INF и писать-INF

‘Каждый человек, учившийся в школе, умеет читать и писать’

б. Се=’ппæт лæппу-т-æ, ам чи лæуу-ы,
 POSS.3PL=весь мальчик-PL-NOM здесь кто стоять-PRS.3SG
 мæ=студент-т-æ сты

POSS.1SG=студент-PL-NOM COP.PRS.3PL

‘Все ребята, которые здесь стоят, – мои студенты’

в. Æппæт адæм, æвзæр хъуыддæг-т-æ чи кæн-ы, хъуамæ
 весь люди плохой дело-PL-NOM кто делать-PRS.3SG надо
 уой æфхæрд

COP.SUBJ.3PL наказать.PART.PST

OK ‘все люди совершают плохие дела и все люди должны быть наказаны’

* ‘все те люди, который совершают плохие дела, должны быть наказаны’

3. Анализ. Для того чтобы объяснить приведенные в (4) факты, можно предположить, что относительная клауза, в терминах X’-теории, является адьюнктом на уровне DP (см. рис. 1). Для нас важен тот факт, что относительное предложение присоединяется выше детерминанта, но ниже квантора. При этом æппæт в своей «не-плавающей» форме синтаксически занимает позицию прилагательного. «Плавающая» форма квантора æппæт, как и все «плавающие» кванторы, вообще не является частью именной группы, а присоединяется уже на уровне клаузы. Таким образом, относительное предложение находится в сфере действия кванторов алы и се=’ппæт ‘POSS.3PL=весь’, но не кванторного прилагательного æппæт, которое находится в синтаксической структуре ниже относительной клаузы. Это и объясняет наблюдаемые семантические сдвиги в рестриктивности.

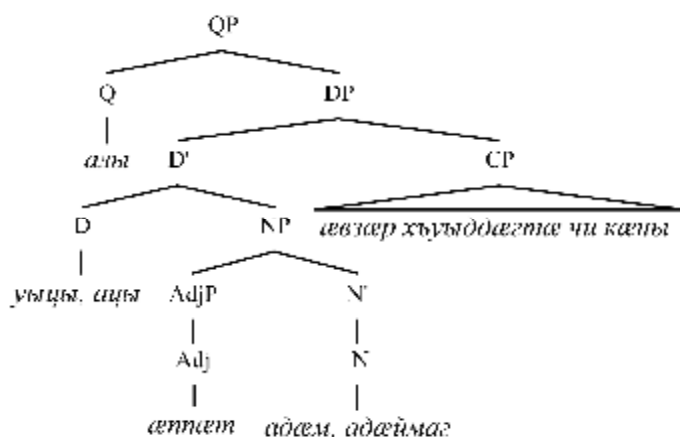

Рисунок 1. Структура именной группы в конструкции с относительным предложением с внешней вершиной в осетинском языке

Литература

- Andrews A.* Relative clauses // T. Shopen (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge, 2007. P. 206–236.
- Keenan E.L., Comrie B.* Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. Vol. 8, Number 1. 1977. P. 63–99.
- Lipták A.* (ed.) *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam, 2009.
- Srivastav V.* The Syntax and Semantics of Correlatives // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1991. Vol. 9, No. 4. P. 637–686.

Сочетаемость метафорических моделей в современном общественно-политическом дискурсе: типы связей и функции

Грибиненко Мария Валерьевна

Аспирантка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

В качестве теоретического основания описания сочетаемости М-моделей используется когнитивная теория метафоры, сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004]. Понятие «метафорической модели» было введено А.Н. Барановым в [Баранов 1991; Баранов, Караулов 1991] для словарного описания политической метафорики и ее исследования с помощью компьютерных инструментов обработки данных. Метафорическая модель (М-модель) – это тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий и армии, образуют М-модель ВОЙНЫ.

Анализ корпуса контекстов употребления метафор показывает, что значительная часть примеров – это сложные метафоры, когда в одном метафорическом выражении реализуется не одна М-модель, а две и более. Доля сочетаемости нескольких М-моделей в реальном речевом употреблении довольно велика.

Нами было проведено экспериментальное исследование метафорики современного общественно-политического дискурса. Была создана база данных, содержащая 700 контекстов употребления сочетаемости метафорических моделей. Материалом послужили интервью и аналитические статьи из общественно-политических Интернет-изданий. В результате исследования были выявлены некоторые характерные особенности, функции и прагматический потенциал сочетаемости метафорических моделей.

Сочетаемость метафорических моделей встречается практически в любой статье, которая содержит метафоры, но функции сочетания зависят от конкретного издания и автора. В изданиях, для которых характерна индивидуально-авторская стилистика, сочетаемость метафорических моделей встречается в несколько раз чаще и является более

разнообразной. Это такие Интернет-издания, как «Грани.Ру», «Ежедневный журнал», «Эксперт», «Русский журнал», «Известия», «Новая газета», «Завтра» и др. Также сочетаемость метафорических моделей является компонентом идиостиля таких авторов, как Леонид Радзиховский, Михаил Леонтьев, Станислав Белковский, Максим Соколов, Валерия Новодворская, Павел Воцанов, Александр Проханов и др.

Среди функций сочетаемости метафорических моделей мы выделяем: компонент идиостиля, познавательная, прогностическая, вспомогательно-синтаксическая (сочетание с фоновой М-моделью), прагматически-экспрессивная, креативно-стилистическая (оживление стертых метафор; ирония), аргументация и др.

А.Н. Баранов в [Баранов 2003] описал формальные и содержательные типы сочетаемости М-моделей. Эту типологию сочетаемости М-моделей можно дополнить еще одним параметром. В результате экспериментального исследования нами были выявлены типы связей между М-моделями внутри метафорического выражения. Их можно охарактеризовать по силе «сцепления» структур знаний, стоящих за метафорами. Всего нами было обнаружено четыре вида связи: амальгама, матрешка, картинка и альтернатива. Самая сильная связь реализуется в амальгаме. Графически эту связь можно представить следующим образом: <сигнификативный дескриптор 1 + сигнификативный дескриптор 2>. (1) Единственная возможность самосохранения этой прогнившей вертикали — бегство назад. Так, в приведенном примере сочетание образуют М-модель ГЕОМЕТРИИ и РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО: <вертикаль + прогнившее дерево>.

Средняя по силе связь – тип «матрешка». Тип связи так назван по аналогии с игрушкой, внутри которой оказывается подобная же игрушка меньшего размера. Восприятие смыслов читателем происходит последовательно: <<сигнификативный дескриптор 1> → <сигнификативный дескриптор 2>>. (2) Ведь это в США президент, собравшийся уходить, превращается лишь в хромую «утку». В России он с легкостью может превратиться в «утку» жареную: <<утка> → <жареная утка>>.

Третий тип – картинка – также средняя по силе связь. Название «картинка» отражает то, что в метафорическом выражении происходит какое-либо действие: <сигнификативный дескриптор 1> + <сигнификативный дескриптор 2>. Например, картинку создают М-модели ОРГАНИЗМА и ПИЩИ в следующем примере <организм> + <пища>: (3) Коррупция не успела доесть страну.

Тип связи альтернатива представляется нам самым слабым. Это сочетаемость М-моделей, при которой две и более метафоры независимы друга от друга и полностью равнозначны. Такая сочетаемость обычно выполняет аргументативную функцию и характерна для интервью, спора оппонентов или размышления с самим собой. В следующем примере четко прослеживается противопоставление «или» – «или»: <сигнификативный дескриптор 1> // <сигнификативный дескриптор 2>. (4) А «Единая Россия», пока во всяком случае, то ли набор винтиков и гаечек в машине, управляемой президентом, то ли его же театр марионеток. Здесь сочетаются М-модели МЕХАНИЗМА и ТЕАТРА: <винтики и гаечки> // <марионетки>.

Литература

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Модель целостного анализа устного дискурса при диагностике психоэмоционального состояния говорящего

Куликова Мария Геннадьевна

Аспирантка Алтайской государственной педагогической академии, Барнаул, Россия
Диагностика психологического состояния говорящего актуальна в контексте судебного речеведения. В частности, при криминалистической экспертизе звукозаписи наряду с вопросами идентификации личности говорящего по устной речи встает вопрос об особенностях психоэмоционального состояния (констатация особенного психологического состояния, наличие психоэмоциональных перемен и т. п.). Подобное экспертное исследование носит комплексный характер и требует привлечения к выполнению экспертизы лингвиста.

В современных теоретических и методических разработках проблема установления психоэмоционального состояния говорящего получила частичное освещение. Наиболее проработанные аспекты вопроса: 1) Определение эмоционального статуса говорящего по акустическим параметрам (см. [Нушикян, Трунин-Донской, Ребгун]); 2) Исследование лингвистических признаков психоэмоционального состояния на фонетическом и интонационно-просодическом уровнях (см. [Потапова, Потапов], [Златоустова, Кедрова, Хитина]); 3) Выявление признаков конкретных эмоциональных проявлений: как правило, стресса, эмоционального напряжения (см. [Леонтьев, Шахнарович, Батов], [Носенко]) и др.

Однако анализ выделенных особенностей представляется недостаточным для диагностики психоэмоционального состояния по нескольким причинам. Во-первых, исследование интонационно-просодических, акустических, фонетических признаков не позволяет дифференцировать эмоциональные состояния (многие из них имеют сходные проявления). Во-вторых, исследование предложенных параметров не учитывает в полной мере индивидуальные особенности говорящего.

Перед лингвистами-экспертами встает задача выявить основание для более точной дифференциации эмоциональных и психологических состояний по речевым особенностям говорящего; расширить таким образом возможности фоноскопической экспертизы.

Мы предлагаем модель целостного анализа устного дискурса как основу диагностики психоэмоционального состояния говорящего. Основополагающими для предложенной модели являются следующие принципы:

1) В центре внимания – *дискурсивность* высказывания. Основа дискурса – коммуникативное намерение говорящего. Психоэмоциональное состояние говорящего дифференцируется на уровне речевого поведения и коммуникативных интенций говорящего.

2) Рассматривает дискурс как *целостный* феномен. Динамика психологического и эмоционального состояния говорящего проявляется на уровне дискурса в целом. Изменение отдельных речевых средств (фонетика, лексика, интонация и др.) – следствие перемены направления дискурса.

3) Дискурс предполагает включенность *субъекта*. Обязательным условием проведения исследования особенностей психоэмоционального состояния говорящего является создание его «речевого портрета». Поскольку квалифицировать психоэмоциональное состояние можно лишь на основе исследования динамики внутри конкретного идиолекта.

Этапы целостного анализа устного дискурса при диагностике психоэмоционального состояния говорящего:

1) *Исследование особенностей коммуникативной ситуации* (формальное/неформальное общение, место и время, отношения между говорящими, предмет общения и т. п.);

2) *Выявление специфики речевого поведения* говорящего и его собеседников: коммуникативные намерения, распределение ролей, заинтересованность участников в конкретных тематических компонентах беседы, коммуникативная инициатива

(стремление продолжить или уйти от темы, самостоятельно задать направление развития разговора).

Коммуникативное поведение, как правило, обуславливает выбор средств. Например, стремление расположить к себе собеседника выражается в употреблении обращений, контактоустанавливающих средств; стремление убедить в правдивости своего высказывания, придать весомости словам проявляется в использовании интонационно-мелодических средств расстановки смысловых акцентов.

1) *Исследование идиолекта* говорящего: выявление речевых особенностей говорящего на разных уровнях;

2) Выявление *особенностей реализации дискурса* на всех уровнях (наблюдение динамики проявления / нарушения идиолекта): а) Громкость речи, темп речи, речевое дыхание, паузы, манера, стиль речи; б) Четкость / нечеткость артикуляционных переходов, причина понижения разборчивости речи, речевые запинки (наличие и характер), синтагматическое членение, интонационно-просодическое оформление высказываний, ритмический рисунок; в) Грамматические структуры (соответствие разговорной норме и индивидуальной норме говорящего); г) Особенности словоупотребления и построения предложений.

Проявление особенного психологического состояния происходит, прежде всего, в перемене речевого поведения говорящего, несоответствии его коммуникативной ситуации и т. п. Должно присутствовать нарушение целостности устного дискурса на всех уровнях. Результатом такого нарушения являются конкретные речевые проявления, способы построения дискурса, выбор средств. Характер дискурсивных разрывов и противоречий позволяет дифференцировать психоэмоциональные состояния говорящего.

Литература

Златоустова Л.В., Кедрова Г.Е., Хитина М.В. Принципы распознавания эмоциональных состояний по комплексу фонетических признаков // Возможности судебной видеофонографической экспертизы. Сборник научных трудов. М., 1989. С. 26–38.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.

Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев, 1981.

Нушикян Э.А., Трунин-Донской В.Н., Ребгун Э.К. Определение эмоционального статуса говорящего по акустическим параметрам речевого сигнала // Возможности судебной видеофонографической экспертизы. М., 1989.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М., 2006.

Семантическая характеристика и особенности употребления деепричастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка

Муравьев Никита Алексеевич

Студент Московского государственного университета, Москва, Россия

Исследование основано на материалах лингвистической экспедиции МГУ в с. Мужы Ямало-Ненецкого АО. В данной работе рассматриваются деепричастные формы в ижемском диалекте коми-зырянского языка, варианте, представленном в говоре жителей с. Мужы. Основной задачей исследования было разграничение контекстов употребления деепричастий и выяснение различий в толковании форм, употребляемых в одних и тех же контекстах. В ходе работы выяснились расхождения ижемской деепричастной системы с системой в литературном языке.

В грамматиках литературного коми говорится о множестве типов деепричастий, из которых для ижемского диалекта в [Сахарова, Сельков, 1976] названо всего пять. Один из них (на -емен) образован от номинализации, а остальные образуются непосредственно от глагола. Это, в первую очередь, формы на -уг/ -уген/ -уг + послелог, обозначающие «действие, протекающее одновременно с другим действием». Они считаются синонимичными формам на -емен, за исключением того, что последние могут обозначать

также и «способ действия». Из оставшихся типов собственно деепричастием можно признать только форму на -ted', обозначающую «такое действие, до осуществления которого происходит другое действие», то есть выражающую таксисное отношение следования.

Из деепричастий ижемского диалекта в речи носителей зафиксировано употребление только форм на -yг и на -ted'. Деепричастие на -yг обязательно имеет при себе показатель падежа или один суффиксов moz / tyг, являющихся, предположительно, аспектуальными показателями. Деепричастия на -yг+падеж и на -ted' могут употребляться как самостоятельно, так и с посессивным показателем.

(1) aj-e me vyl-am
отец-POSS1SG я верх- ILL.POSS1SG

v'ided-yг-en/ -as/ -moz/ -tyг l'umjal-†s
смотреть-CONV-INSTR/ESS.POSS3SG/ASP1/ASP2 улыбаться-PST.3SG
Мой отец смотрел на меня, улыбаясь.

(2) mi rəb'it-†m us'-ted' / us'-ted'-num
мы работать-PST.1PL падать-CONV.TERM / -CONV.TERM-POSS1PL
Мы работали до упаду.

Простые и посессивные формы употребляются примерно одинаково, но простые требуют отдельного указания на субъект деепричастия, который может не совпадать с субъектом глагола в главной клаузе, как в (3).

(3) (*sya) gorz'-ig-as / sya gorz'-ig-en mi rušj-im
(он) кричать-CONV-ESS.POSS3SG / он кричать-CONV-INSTR мы бежать-PST.1PL
Пока он кричал, мы бежали.

Более сложной проблемой представляется дистрибуция форм -ygen, -yгmoz, -yгtyг. Показатель -moz развился из сравнительного послелога moz «как», а показатель -tyг произошел от прилагательного tyг «полный». Но в литературе, за исключением указания на то, что оба показателя «сдвигают значение в направлении образа действия» [Бубрих, 1949: 141], они не описаны и не разведены. Если сравнить употребление всех форм в разносубъектных предложениях, то окажется, что в них невозможно употребление форм -yгmoz, -yгtyг.

(4) vok-jas-e vo-asnys kerka-ed' lym
брат-PL-POSS1SG прийти-FUT.3PL дом-TERM снег
us'-ig-en / -as/ *-moz / *-tyг / us'-ted'
падать-CONV-INSTR/ESS.POSS3SG/ASP1/ASP2 падать-CONV.TERM
Братья возвратятся домой в снегопад / до снегопада.

Дальнейшей задачей было выяснение принципов распределения значений среди односубъектных деепричастий одновременности, где примерно одинаково употребляются все четыре формы. В полевых исследованиях деепричастий печорского диалекта коми было предложено в качестве параметра выделить функцию деепричастия, которая заключалась в указании либо временных рамок главного действия, либо действия, являющегося фоновым по отношению к главному. Выяснилось, что этот параметр является релевантным и для ижемских деепричастий, несмотря на неполное соответствие форм. Во временных контекстах носителями практически всегда разрешаются простая и посессивная формы, гораздо реже – форма -yгmoz и почти не разрешается форма -yгtyг.

(5) mun-yг-en / -ad/ ?-moz / *-tyг / in vuned əbes-se
идти-CONV-INSTR/ESS.POSS2SG/ASP1/ASP2 NEG.IMP забывать дверь-ACC.POSS3SG
s'ipty-ny igan-nas
закрывать-INF защелка-INSTR.POSS3SG
Уходя, не забудь закрыть дверь на защелку.

В фоновых контекстах, наоборот, всегда правильными считаются формы -yгmoz и -yгtyг, а простая и посессивная формы в большинстве случаев признаются неграмматичными.

(6) sya v'is'tal-is etaja ky-jas-se
он говорить-PST.3SG этот слово-PL-ACC.POSS3SG
ŋ'umjal-yg-moz / -tyr/ *-en / ?-as
улыбаться-CONV-ASP1/ASP2/INSTR/ESS.POSS3SG

Он говорил эти слова, улыбаясь.

Однако бывают и смешанные контексты, где невозможно приписать деепричастию только одну из функций, как в (1). Для разведения форм -ygmоз/-yгтыг в фоновых контекстах требовалось найти разницу в значении, которая, исходя из их этимологии, должна была бы быть достаточно очевидной, чего не наблюдалось в речи носителей. Несмотря на это, нашлось немало контекстов, в которых разница в значении понималась отчетливо, как, например в (7).

(7) sya gəra vyl-e kypedč-is us'-al-yg-moz / -tyr
он гора верх-ILL подняться-PST.3SG падать-ASP-CONV-ASP1/ASP2

Он поднялся на гору, иногда/ постоянно падая.

Если в толковании форм -ygmоз обычно присутствуют слова «незаметно», «между прочим», то формы -yгтыг истолковываются носителями либо нейтрально, либо акцентированно: «постоянно», «все время». Поэтому такое различие можно назвать степенью проявления действия, и такая трактовка довольно убедительно описывает случаи, как в примере (7), указывая на интенсивность падений.

Исследование подтвердило, что система ижемских деепричастий представляет собой сокращенный, но от того не менее сложный вариант системы деепричастий литературного языка. В ходе исследования был выявлен ряд параметров, которые позволили лучше понять и описать значение каждой формы и всю систему деепричастий рассматриваемого диалекта в целом.

Литература

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. СПб., 1949.

Эмпатия, логофоричность и семантика дистантной рефлексивизации

Руднев Павел Владимирович

Аспирант Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия
Дистантные рефлексивы широко представлены в языках мира и потому представляют собой ценный и интересный объект исследования в рамках любого теоретического подхода к изучению естественного языка. Синтаксические свойства таких местоимений изучены относительно хорошо [Тестелец, Толдова; Cole et al.; Лютикова], однако семантика дистантной рефлексивизации до сих пор остается малоизученной.

[Лютикова] представляет собой одну из первых попыток выделения семантических и прагматических факторов, регулирующих употребление дистантных рефлексивов; решающим фактором признается фокус эмпатии [Kuno 1987], который в анафорических системах ряда языков кодируется при помощи т.н. логофорических местоимений.

Важность учета эмпатии при определении соотношения грамматических и неграмматических факторов, влияющих на употребление нелокальных рефлексивов, неоднократно демонстрировалась на материале японского языка, в котором существует ряд элементов, чувствительных к «переключению» фокуса эмпатии (напр., бенефактивные глаголы *yaгу* и *kuгeru*).

Данная работа посвящена изучению взаимодействия эмпатии и логофоричности в аварском языке (аваро-андийская группа, Дагестан). Важное значение кавказского языкового материала для лингвистической теории подробно обсуждалось в [Тестелец, Толдова]; нам же хотелось бы добавить, что изучение семантических аспектов дистантной рефлексивизации представляет исследователю дополнительные возможности для уточнения, расширения и углубления существующих обобщений.

Аварский язык обладает многочленной системой анафорических средств; для данной работы особый интерес представляет логофорическое местоимение «жив».

Классические логофорические местоимения обладают рядом особенностей: 1. Употребляются во вложенных клаузах; 2. Маркируют кореферентность с подлежащим матричной клаузы; 3. Лицензируются матричными предикатами речи. В формально-семантической литературе также часто фигурирует указание на обязательность интерпретации таких местоимений *de se*.

Ситуация 1: Паваротти слушает запись, на которой он исполняет *La donna è mobile* и поистине впечатлен собственным мастерством. Он думает: «Надо признать, я действительно гений!»

Ситуация 2: Паваротти слушает, как какой-то исполнитель поет *La donna è mobile*, и поистине впечатлен его артистизмом. Он думает: «Этот певец – гений!» Он не осознает, что этот певец и есть он сам.

a. Pavarotti	crede	di	PRO	essere un	genio.
Паваротти	думает	COMP	PRO	быть	гений
«Паваротти думает, что он гений» [$\sqrt{C1}$; *C2]					
б. Pavarotti	crede	che gli	è	un	genio.
Паваротти	думает	что он	COP	Det	гений
«Паваротти думает, что он гений» [$\sqrt{C1}$; $\sqrt{C2}$]					

Первое прочтение называется *de se*; как следует из названия (от лат. «о себе»), говорящий должен осознавать, что индивид, которому предикцируется пропозиция, выраженная вложенной клаузой, должен, выражаясь неформально, осознавать, что речь идет о нем. Второе прочтение называется *de re*, и в этом случае самоотождествление не является обязательным, что и видно из Ситуации 2.

Таким образом, логофорические местоимения не могут употребляться в контекстах типа C2, в то время как эмпатически мотивированные употребления анафорических средств в таких ситуациях не исключаются.

Аварское жив демонстрирует обязательность интерпретации *de se*:

(2) Ситуация 3: Гарип – участник реалити-шоу. Он смотрит видеозапись своего выступления, но не узнает себя, однако само выступление ему очень нравится.

*	Гарипица	abuна	жив	вугила	жиндие
	Гарип-Ерг	сказать-Аог	сам-Abs	считал	сам-Dat
	бищун	бокьарав	кандидат.		
	любимый		кандидат-Abs		

«Гарип сказал, что считает себя своим любимым кандидатом»

Перейдем к эмпатии. Наличие эмпатических триггеров в кавказских языках, подобных *уагу/кугеру* в японском, еще не было убедительно продемонстрировано, поэтому на данном этапе приходится ориентироваться на иные тесты, такие как (не)возможность употребления местоимения 1 лица в качестве коаргумента жив (согласно Иерархии эмпатичности речевого акта С. Куно, говорящий всегда демонстрирует бóльшую степень эмпатии по отношению к себе нежели в отношении другого участника).

К примеру, эмпатические употребления японского местоимения *zibun* неграмматичны, если их коаргументом является местоимение «я»:

(3)	*Taro-wa	boku-ga	zibun-ni	kasi-ta	okaneo
	Таро-Топ	я-Nom	сам-Dat	одалживать-Аог	деньги-Асс
	nakusit-simat-ta	rasii			
	терять-становиться-Аог	кажется			

«Кажется, Таро потерял деньги, которые я ему одолжил» [Kuno: 213]

В отличие от японского *zibun*, аварское жив, по-видимому, не демонстрирует чувствительности к эмпатии:

(4)	Дида	кколеб	буго	Гарипихъа	дица	жиндие	къарзалъе
	я-Лос	кажущийся	есть	Гарип-Аbl	я-Ерг	сам-Dat	в.долг

	кьураб	г1арац	биланилан.
	данный	деньги-Abs	терять-COMP
	«(Мне) кажется, что Гарип ₁ потерял деньги, которые я ему ₁ одолжил»		
(5)	Мурад	х1инкьун вуго	жинхъаго дица жиндие
	Мурад-Abs	боящийся есть	сам-AbI я-Erg сам-Dat
	кьарзалъе	кьураб	г1арац биланилан.
	в.долг	данный	деньги-Abs терять-COMP
	«Мурад ₁ боится, что потерял деньги, которые я ему ₁ одолжил»		

Рассмотренный материал позволяет с большой степенью уверенности говорить о нечувствительности анафорических употреблений местоимения жив с сентенциальным антецедентом фактору эмпатии. Безантецедентные же и эмфатические употребления жив и подобных ему местоимений в языках мира представляют собой увлекательный объект дальнейших исследований.

Литература

- Лютикова Е.А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. // Вопросы языкознания. 1998. №4. С. 35–57.
Cole P., Hermon G., Huang C.-T.J. Long-distance reflexives, Syntax and Semantics. Vol. 33. New York, 2001.
Kuno S. Functional Syntax: Anaphora, Discourse, and Empathy. Chicago, 1987.

Восприятие наречий отрицательной и положительной полярности

Юрченко Анна Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Полярность лексической единицы определяется специфическими требованиями, предъявляемыми ею к контексту и обусловленными ее семантическими и прагматическими свойствами. Так, единицы с отрицательной полярностью должны употребляться в контексте отрицания («Ничто не беспокоит меня»), а с положительной – в утвердительном контексте («Нечто беспокоит меня»). Восприятие полярных единиц ранее было исследовано в работах [Saddy], [Drenhaus 2005] и [Drenhaus 2006] на материале немецкого языка путем сравнения восприятия наречий отрицательной и положительной полярности в контексте отрицания и в утвердительном контексте. Результаты указанных работ свидетельствуют о том, что нарушение как отрицательной, так и положительной полярности вызывает потенциалы мозга, известные как N400 и P600. Эффект N400 возникает из-за несоответствия между семантикой контекста и свойствами полярной единицы, противоречащими требованиям контекста, а эффект P600 отражает попытку синтаксической реконструкции предложения, вызванную нарушением семантической интеграции. Однако ни в одной из этих работ не была учтена возможность влияния отрицательного контекста как такового на восприятие лексических единиц.

Целью нашего эксперимента было исследовать различия в восприятии единиц с отрицательной и положительной полярностью с учетом влияния контекста. Работа была проведена на материале нидерландского языка с применением метода вызванных потенциалов. Материал включал 120 экспериментальных единиц трех типов: с отрицательной, положительной и нейтральной полярностью, по 40 единиц каждого типа. Каждая экспериментальная единица была представлена в двух условиях – в отрицательном и утвердительном контексте. Именно использование условий с нейтральной полярностью позволило бы показать, что различия в восприятии единиц с отрицательной и положительной полярностью не обусловлены влиянием различных типов контекста.

В эксперименте приняли участие 27 носителей нидерландского языка (17 мужчин, 10 женщин, средний возраст – 21 год). Предложения предъявлялись пословно, черным

шрифтом на белом фоне, в центре экрана. Задача испытуемых состояла во внимательном прочтении предложений и понимании их смысла. Для контроля внимания за 33% случайным образом выбранных предложений следовал вопрос об их содержании. Запись ЭЭГ-сигнала производилась с помощью 62 электродов, закрепленных в эластичной шапочке, по международной системе 10-20, и двух мастоидных электродов. Импеданс на электродах не превышал 10 кΩ.

Для статистического анализа данных о вызванных потенциалах мозга был использован метод дисперсионного анализа с повторными измерениями ANOVA. Главные результаты касаются роли контекста и восприятия единиц отрицательной и положительной полярности. Во-первых, при сопоставлении восприятия наречия нейтральной полярности в отрицательном и утвердительном контексте не было выявлено значимых эффектов. Таким образом, отрицательный и утвердительный контексты не различаются в отношении воздействия на восприятие полярной единицы, если не происходит нарушения полярности.

Во-вторых, в отличие от наречий нейтральной полярности, восприятие единиц с отрицательной полярностью в утвердительном контексте (нарушение полярности) по сравнению с отрицательным контекстом (грамматически правильное предложение) сопровождается эффектом N400 (негативность, достигающая максимума через 400 мс после предъявления стимула). Наши данные не соответствуют результатам работ [Drenhaus 2005] и [Drenhaus 2006], в которых, помимо N400, был также обнаружен эффект P600.

Наконец, восприятие наречий положительной полярности в контексте отрицания (нарушение полярности) по сравнению с утвердительным контекстом (грамматически правильное предложение) не вызвало эффекта N400, что опять же противоречит результатам работ [Saddy] и [Drenhaus 2006], согласно которым нарушение как положительной, так и отрицательной полярности сопровождалось эффектом N400. Однако, согласно нашему исследованию, нарушение положительной полярности сопровождается лишь эффектом P600.

Итак, наше исследование впервые показало, что отрицательный и утвердительный контексты как таковые не влияют на восприятие полярных наречий. Кроме того, в отличие от предыдущих работ, нами были выявлены различия в восприятии единиц с отрицательной и положительной полярностью. Наречия положительной полярности в контексте отрицания сопровождаются эффектом P600, в то время как наречия отрицательной полярности в утвердительном контексте характеризуются эффектом N400. Возможное объяснение заключается в том, что в отличие от наречий отрицательной полярности, употребление которых становится грамматичным в контексте отрицания, наречия положительной полярности могут употребляться также без каких-либо интенсификаторов. Другими словами, отсутствие отрицательной частицы делает невозможным семантическую интеграцию наречия отрицательной полярности в предшествующий контекст, в результате чего возникает эффект N400. Восприятие же единиц с положительной полярностью в меньшей степени зависит от предшествующих лексем. В связи с этим при предъявлении единицы с положительной полярностью в контексте отрицания не возникает проблемы семантической интеграции (и эффекта N400), однако наличие эффекта P600 свидетельствует о попытке повторного анализа неграмматического предложения.

Литература

Drenhaus H., beim Graben P., Saddy D., Frisch S. Diagnosis and repair of negative polarity constructions in the light of symbolic resonance analysis // *Brain and Language*. 2006. № 96. P. 255–268.

Drenhaus H., Frisch S., Saddy D. Processing Negative Polarity Items: when negation comes through the backdoor // *Linguistic Evidence: Empirical, Theoretical, and Computational Perspectives*. Berlin. 2005. P. 145–163.

Saddy D., Drenhaus H., Frisch S. Processing polarity items: contrasting licensing costs // *Brain and Language*. 2004. № 90. P. 495–502.